

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ К ПРОБЛЕМАМ КОНСТИТУЦИОННОГО НИГИЛИЗМА

Т.В. Рехачева

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

19 октября 2021 г.

Дата принятия в печать –

11 апреля 2022 г.

Дата онлайн-размещения –

20 июня 2022 г.

Описывается процедура проведения социологического опроса, в котором приняли участие более тысячи респондентов, посвященного проблеме конституционного нигилизма, анализируются его результаты. На основании ответов респондентов выделяются основные формы проявления конституционного нигилизма в Российской Федерации.

Ключевые слова

Нигилизм, правовой нигилизм, конституционный нигилизм, форма конституционного нигилизма, опрос, общественное мнение, Конституция, поправки к Конституции, конституционная реформа, антиконституционное правосознание

RUSSIANS' ATTITUDE TO THE CONSTITUTIONAL NIHILISM

Tatiana V. Rekhacheva

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received –

2021 October 19

Accepted –

2022 April 11

Available online –

2022 June 20

The subject of the research is the problem of constitutional nihilism in views of Russian citizens.

The purpose of the article is to confirm or disprove a hypothesis about a strong influence of constitutional nihilism in the Russian Federation on people mind. The research was made to identify the most and least dangerous forms of constitutional nihilism existing in the territory of the Russian Federation also.

The methodology. The public opinion poll was conducted in Google Forms. The research consists of 15 open and closed questions. 1078 respondents from 28 constituent entities of the Russian Federation took part in the poll. They represent all eight Russian federal districts.

The main results, the scope of application. Over 70% of respondents have a negative stance on constitutional nihilism especially after the approval of the last Constitutional Amendments in 2020. According to the public opinion poll, the majority of respondents evaluate the Russian Constitution of 1993 as positive. 67,1% of respondents agree that constitutional nihilism came from western countries and only almost a quarter of respondents stated the nature of constitutional nihilism as native Russian. 64,4% of respondents choose constitutional reform as the most dangerous form of constitutional nihilism. 62,1% of respondents choose the forming of unconstitutional legal awareness as the most dangerous form of constitutional nihilism and 49,8% choose authorities' discredit as it. The least dangerous forms of constitutional nihilism according to public opinion poll are a civil war (39,7%) and constitutional fiction (31,6%).

Conclusions. The results reveal a high level of unconstitutional legal awareness in Russian society. The author has confirmed its hypotheses and discovered the most and the least dangerous forms of constitutional nihilism. The author plans to repeat the research the next year and cover people from more Russian constituent entities.

Keywords

Nihilism, legal nihilism, constitutional nihilism, form of constitutional nihilism, poll, public opinion, Constitution, Constitutional Amendments, constitutional reform, unconstitutional legal awareness

1. Введение

В рамках диссертационного исследования на тему «Организационно-правовой механизм преодоления конституционного нигилизма» нами было проведено социологическое исследование.

Цель исследования – выявление отношения жителей Российской Федерации к Конституции РФ 1993 г., к принятым в 2020 г. поправкам в Конституцию РФ, а также определение наиболее и наименее опасных форм проявления конституционного нигилизма.

Исследователи по-разному определяют конституционный нигилизм, кто-то считает его «отрицанием роли Конституции как Основного закона государства, норм, принципов, традиций конституционного права, полнейшим скептицизмом, неверием в идею прав человека» [1, с. 18]. Другие характеризуют его как «приспособление под нужды тирана или деспотичного меньшинства, или большинства» [2, р. 156], третьи видят в нем результат «слияния партийного и государственного аппарата, и бесполезности конституции» [3, р. 73], есть даже определение через биологическую составляющую: «подсознательно контролируется реактивными силами, когда впадает в пассивное состояние» [4, р. 58]. В качестве рабочего определения будет использовано следующее: **конституционный нигилизм** – это комплексное общественно опасное явление, изменяющее психологическое состояние человека к основополагающим нормам законодательства, характеризующееся резко негативным отношением к конституционным нормам и отношениям [5, с. 17].

Социологические исследования применяются в конституционном праве, исследуются конституционно-судебная защита экономических прав граждан [6], органы государственной власти субъектов Российской Федерации [7], конституционно-правовая ответственность [8], конституционный контроль и конституционная ответственность главы государства [9]. Стоит отметить, что большинство исследований проводилось в 2007–2009 гг. До этого, в 2001–2005 гг., защищались кандидатские и диссертационные работы, составной частью которых было конституционно-правовое исследование. Объектом рассмотрения в подобных работах стали разделение государственной власти в Российской Федерации [10], причины и условия развития федерализма в странах мира [11] и даже вынужденная миграция

[12]. После 2010 г. конституционных исследований проводилось меньше.

2. Методы исследования

Мы использовали методы социологических исследований для проведения опроса.

Социологическая наука знает несколько видов опроса: интервьюирование, анкетирование, экспертный опрос, социометрия и метод независимых характеристик [13, с. 9–10].

Исследование проходило в четыре основных этапа:

- 1) подготовка исследования – июнь 2021 г.;
- 2) сбор первичной социологической информации – июнь–сентябрь 2021 г.;
- 3) обработка материала – октябрь 2021 г.;
- 4) оформление выводов исследования – октябрь 2021 г. [14, с. 9].

Данное исследование является выборочным, т. е. опрашиваются определенные целевые группы [15, с. 9; 16, с. 99]. Автор выбрал анкетирование и провел опрос через информационно-коммуникационную сеть «Интернет». Формат исследования представляет собой гугл-форму¹ с 15 вопросами открытого и закрытого типа. В 10 вопросах респондентам предлагается выбрать один из имеющихся вариантов ответа, при этом в 8 вопросах можно было выбрать ответ «другое» и дополнить предлагаемые варианты ответа своими предложениями. Остальные вопросы открытые, т. е. предполагают самостоятельный ответ на заданный вопрос.

В исследовании приняли участие 1 078 чел. Данное число респондентов дает право говорить о репрезентативности выборки и снижает ошибку выбора [17, с. 59], а также является достаточным для формирования выводов [18, с. 12]. В соответствии с размером выборки для определения уровня точности ошибка выбора будет составлять $\pm 3\%$ [19, с. 36], поэтому автор исследования будет оперировать не только полученными результатами, выраженными в процентном соотношении, но и точным количеством людей, ответивших на этот вопрос.

3. Результаты опроса

Респондентами исследования стали жители 28 регионов Российской Федерации из всех восьми федеральных округов страны: Владимирской, Воронежской, Ивановской и Калужской областей Центрального федерального округа (ЦФО), республик Марий Эл и Мордовия, Нижегородской области При-

¹ См.: URL: https://docs.google.com/forms/d/17xspS9UZn4tKg0_5qApGnhD9WA1ExaY_Aq9QXuOLNxs/edit.

вожского федерального округа (ПФО), Свердловской, Тюменской и Челябинской областей Уральского федерального округа (УФО), Ленинградской и Мурманской областей и г. Санкт-Петербурга Северо-Западного федерального округа (СЗФО), Алтайского и Красноярского краев, Кемеровской, Новосибирской, Омской и Томской областей Сибирского федерального округа (СФО), Волгоградской области и Краснодарского края Южного федерального округа (ЮФО), Ставропольского края Северо-Кавказского федераль-

ного округа (СКФО) и Камчатского, Приморского, Хабаровского краев и Амурской, Магаданской и Сахалинской областей Дальневосточного федерального округа (ДФО). Данные регионы Российской Федерации были выбраны случайным образом, как того требуют массовые опросы, направленные на изучение общественного мнения населения страны [20, с. 31], квотирования не предполагалось. На рис. 1 показано количество респондентов в каждом из федеральных округов Российской Федерации.

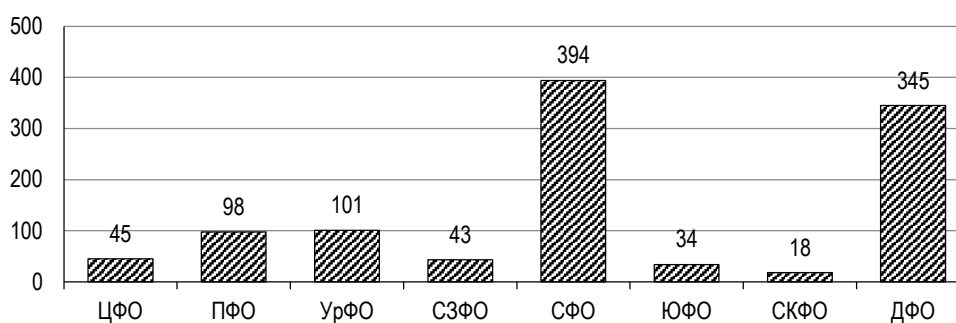

Рис. 1. Количественный состав респондентов по федеральным округам

Во втором вопросе респонденту предлагалось выбрать возрастную категорию, к которой он принадлежит: 14–20 лет, 21–30 лет, 31–60 лет, 60 лет и старше. Результаты распределились следующим образом: 638 чел., или 59 %, – в возрасте от 31 до 60 лет, 359 чел., или 33 %, – в возрасте от 21 до 30 лет, 60 чел., или 6 %, – в возрасте от 14 до 20 лет и 21 чел., или 2 %, – старше 60 лет. Данные возрастные диапазоны были выбраны не случайно, поскольку автор исследования считает, что правосознание человека формируется к 30 годам, и к этому времени человек уже овладевает профессией, занимает определенную гражданскую позицию и имеет собственное мнение. Граница в 20 лет также отмечает переломный момент, до которого молодые люди более подвержены влиянию кумиров и сверстников, а уже после начинают формировать собственное мнение.

В следующем, третьем вопросе респондентам предлагалось выбрать один из социальных статусов. Результаты опроса получились следующие: 318 чел., или 29,7 %, – государственные или муниципальные служащие, 287 респондентов, или 26,8 %, – студенты, 209 чел., прошедших опрос, или 19,5 %, – работают по найму, 158 чел., или 14,8 %, – пенсионеры, 51 чел., или 4,8 %, – самозанятые и 48 чел., или 4,5 %, – безработные. Автору такая выборка представляется достаточно приемлемой, поскольку в той

или иной мере представлены основные социальные группы общества.

После вводного блока, где респонденты указывали возраст, социальный статус и субъект проживания, в опросном листе были расположены вопросы по конституционному строю и конституционным отношениям.

Так, в четвертом вопросе необходимо было указать отношение респондента к Конституции РФ, принятой в 1993 г., в пятом – отношение к поправкам в Конституцию РФ, принятым в 2020 г. Оба вопроса предполагали выбор одного из четырех вариантов ответов – «положительно», «скорее положительно», «отрицательно», «скорее отрицательно». Касательно Конституции РФ 1993 г. 458 чел., или 42,5 %, указали, что относятся скорее положительно, 424 чел., или 39,3 %, относятся скорее отрицательно, 109 респондентов, или 10,1 %, – выбрали ответ «положительно» и 87 респондентов, или 8,7 %, относятся отрицательно. Об отношении к поправкам в Конституцию РФ 2020 г. респонденты ответили следующим образом: 689 чел., или 63,9 %, относятся скорее отрицательно, 264 чел., или 24,5 %, относятся скорее положительно, 98 респондентов, или 9,1 %, – положительно и 27 чел., или 2,5 %, – «отрицательно».

В 2013 г. уже проводился социологический опрос среди 1 060 студентов университета, и тогда

на вопрос: «Как вы относитесь к итогам конституционной реформы 1989–1993 гг.?» – результаты распределились следующим образом: 58,5 % отнеслись нейтрально или не задумывались над этим, 18,5 % – положительно, но думают, что результат мог быть и лучше, 13,2 % – положительно и согласны, что результаты полностью эффективны, 8,3 % – негативно, 1,5 % выбрали вариант «другое»². Результаты опроса 2013 г. можно сравнить с результатами опроса 2021 г., получив, что отношение к принятой Конституции РФ 1993 г. практически не менялось и осталось в целом положительным.

На рис. 2 наглядно представлены существующие тенденции к росту отрицательного отношения к тексту основного закона. Если отношение к Конституции РФ 1993 г. большинство опрошенных определяет как положительное, то применительно к поправкам, внесенным в Конституцию РФ в 2020 г., практически 70 % опрошенных относятся отрицательно. Данное изменение может характеризовать нигилистический настрой общества относительно принятых поправок.

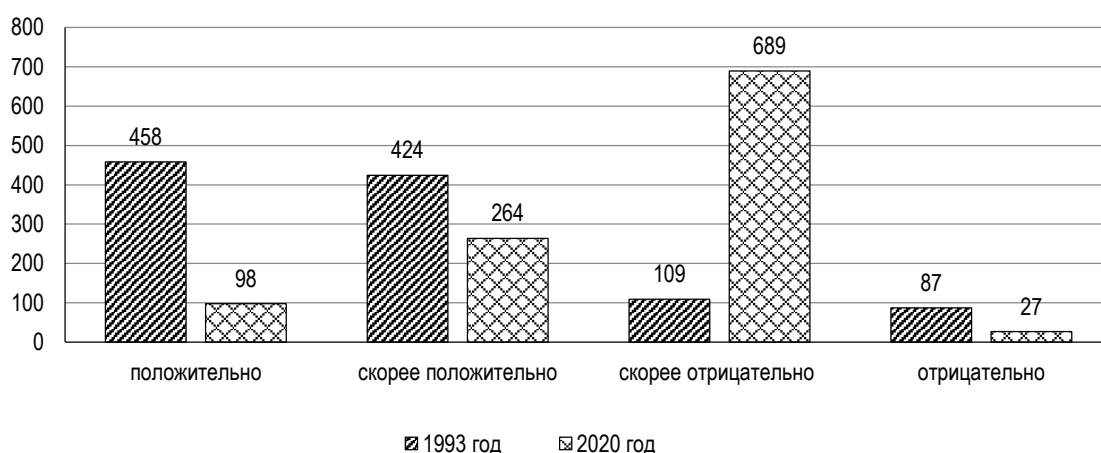

Рис. 2. Изменение отношения к тексту Конституции РФ 1993 г. и принятым поправкам в Конституцию РФ 2020 г.

В шестом вопросе: «Укажите природу зарождения конституционного нигилизма» – респонденту снова предлагалось выбрать из четырех вариантов ответа: «исконно русское явление», «заимствовано из западных стран», «заимствовано из восточных стран» и вариант «другое». Результаты получились следующими: 721 чел., или 67,1 %, считает, что конституционный нигилизм заимствован из западных стран, 274 чел., или 24,5 %, уверены, что конституционный нигилизм – это исконно российское явление, 81 чел., или 7,5 %, думает, что конституционный нигилизм заимствован из восточных стран, 2 чел. выбрали вариант «другое» и ответили, что не знают.

Полученные данные согласуются с представлением автора диссертационного исследования, что конституционный нигилизм пришел в Российскую

Федерацию с Запада и прочно укоренился в сознании людей, поскольку попытки призвать к отрицанию положений российской Конституции допускают должностные лица западных государств³. Также полученные результаты совпадают с мнением исследователей нигилизма. Так, В.Г. Косыхин несколько раз указывал на то, что нигилизм пришел в Россию с Запада [21, с. 9]. М.В. Кирчанов даже указывает на то, что Восток был завоеван нигилизмом с Запада [22, с. 154–155].

Седьмой вопрос, посвященный формам выражения конституционного нигилизма в Российской Федерации, предполагал выбор одной из предложенных форм выражения конституционного нигилизма, т. е. являлся ранговой шкалой, которая преимущественно основана на субъективных индикаторах

² Данные социологического опроса, проведенного в 2013 году среди студентов 1–5 курсов Набережночелнинского Института Казанского Федерального Университета. URL: http://www.kpfu.ru/main_page?p_cid=77270&p_sub=6206 (дата обращения: 19.10.2021).

³ См., напр.: Congressional Record: Proceedings and Debates of the 116th Congress, Second Session. 2020. Vol. 166, No. 121. July 1. S4083. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CREC-2020-07-01/pdf/CREC-2020-07-01-pt1-PgS4083-4.pdf>.

[23, с. 61]. Также, если респондент считал, что существует какая-то форма, которую автор не привел в списке, он мог добавить ее самостоятельно в варианте ответа «другое», но таких добавлений не было. Результаты, представленные на рис. 3, показали следующее: 463 чел., или 43,2 %, выбрали конституционную реформу, 347 чел., или 32,4 %, посчитали, что в государстве идет формирование антиконституционного правосознания, 98 чел., или 9,1 %, уверены в конституционном перевороте, 63 чел., или 5,9 %,

считают, что формой выражения является дискредитация власти, 49 респондентов, или 4,6 %, увидели конституционный нигилизм в «мертвых» конституционных нормах, 24 чел., или 2,2 %, считают, что конституционный нигилизм проявляется через сецессию, 22 чел., или 2,1 %, уверены, что конституционный нигилизм порождают конституционные фикции, и 6 чел., или 0,6 %, считают, что одной из форм конституционного нигилизма является гражданская война.

Рис. 3. Формы выражения конституционного нигилизма в Российской Федерации

В восьмом вопросе респондентам было предложено выбрать самую опасную, по их мнению, форму выражения конституционного нигилизма. В данном вопросе можно было проголосовать за несколько вариантов, в том числе и за вариант «другое», поэтому результаты получились следующими: конституционная реформа – 64,4 %, формирование антиконституционного правосознания – 62,1 %, дискредитация власти – 49,8 %, конституционный переворот – 45,1 %, сецессия – 12,1 %, «мертвые» конституционные нормы – 9,7 %, конституционные фикции – 6,3 % и гражданская война – 3,9 %. Исходя из проведенного опроса, можно утверждать, что самыми опасными формами выражения конституционного нигилизма по мнению респондентов являются конституционная реформа, формирование антиконституционного правосознания, дискредитация власти и конституционный переворот.

Необходимо дать определения наиболее опасным формам выражения конституционного нигилизма. Автор исследования под конституционной реформой понимает модификацию, превращение, трансформацию, замещение, модернизацию, реформирование, преобразование и развитие основного закона в связи с резко изменившимися отноше-

ниями [24, с. 25]. Формирование антиконституционного правосознания – это долгий и трудоемкий процесс, поскольку строится на лекциях, беседах, семинарах и распространении печатных изданий, где власть прямо не дискредитируется или не осуждается. Дискредитация власти также происходит в несколько этапов, поскольку существует два основных признака власти – признание власти и обязанность индивидов ей подчиняться [25, с. 11]. Автор считает дискредитацию власти активными и целенаправленными действиями на подрыв авторитета и уровня доверия к государственному аппарату или государственным структурам вообще. И конституционный переворот понимается в данной работе как захват власти с обязательным грубым нарушением или полным игнорированием конституционных норм. Стоит отметить, что что «конституционный переворот – это всегда политический переворот, но политический переворот не всегда будет конституционным» [26, с. 4].

Результаты ответов на десятый вопрос – о наименее опасной форме выражения конституционного нигилизма – практически полностью повторяют результаты восьмого вопроса в обратном порядке. Так, наименее опасной (учитывая ответы на седьмой

вопрос, читай: вероятной) формой выражения считают гражданскую войну и конституционные фикции – 39,7 и 31,6 % соответственно.

Под гражданской войной в данном исследовании понимается война внутри государства, когда одна из сторон воюет за конституционные ценности, т. е. не каждая война может стать формой выражения конституционного нигилизма. В качестве примера можно вспомнить гражданскую войну в России 1917–1923 гг., когда стороны отстаивали свои ценности. В настоящее время гражданские войны продолжаются, но сегодня чаще всего это борьба за право обладания определенной территорией, нежели борьба за политические и экономические права. Конституционные фикции в чем-то похожи на идеальные модели, поскольку «без категории вымысла сложно признать несуществующее положение в качестве существующего» [27, с. 108]. Считается, что конституционное право является основным сосредоточением юридических фикций [28, с. 20].

После вопросов про наиболее и наименее опасную форму выражения конституционного нигилизма респондентам предлагалось пояснить свой выбор, однако большинство ответов были однообразными: «мне как так кажется», «я про это слышал», «друзья обсуждали».

Еще один открытый вопрос, двенадцатый, где респондента просили привести пример конституционного нигилизма в Российской Федерации, был малоинформативен, поскольку большинство ответов были «не знаю» или ссылками на статьи в Интернете, где указывали на пробелы в Конституции РФ. Семь человек указали в качестве примера громкие уголовные дела, трое даже процитировали не имеющие отношения к заданному вопросу постановления Конституционного Суда РФ.

В следующем, тринадцатом вопросе респондентам было предложено оценить по 10-балльной шкале степень опасности конституционного нигилизма в Российской Федерации, где 1 балл – «опасность полностью отсутствует», 10 баллов – «опасность максимально проявляется». Данный вопрос представляет собой шкалу отношений, которая применяется для измерения установок респондента [29, с. 30; 30]. Большинство респондентов выбрало 6 баллов (358 чел.) и 7 баллов (298 чел.), далее шел вариант 8 баллов (121 чел.). Преимущественно все респонденты выбрали часть шкалы от 6 до 10, часть шкалы от 1 до 5 выбрали всего 163 чел., т. е. чуть больше 10 % опрошенных (рис. 4).

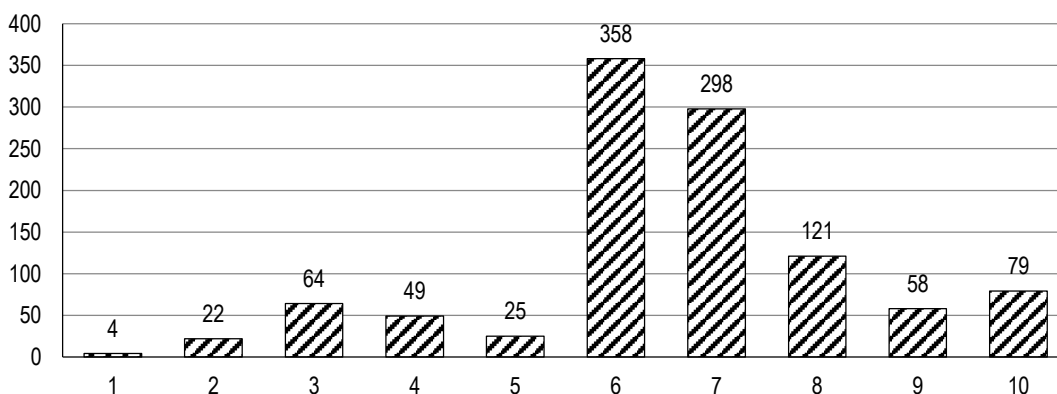

Рис. 4. Распределение мнения респондентов о степени опасности конституционного нигилизма

В качестве четырнадцатого вопроса респондентам было предложено выбрать одну из сфер общества, которую затрагивает конституционный нигилизм. Результаты опроса немного неожиданные, поскольку лишь 634 чел., или 58,1 %, уверены, что конституционный нигилизм затрагивает правовую сферу, 358 чел., или 33,2 %, уверены, что конституционный нигилизм больше затрагивает сферу куль-

туры, 79 чел., или 7,3 %, считают, что конституционному нигилизму больше подвержена социальная сфера, 4 чел., или 0,4 %, уверены, что конституционный нигилизм затрагивает историческую сферу, и 3 чел., или 0,3 %, заявляют, что конституционный нигилизм затрагивает бытовую сферу.

В последнем, пятнадцатом вопросе респондентам было предложено указать, какие меры должно

принять государство, чтобы уменьшить уровень конституционного нигилизма. Вопрос был открытым, поэтому вариантов набралось довольно много, в частности упоминалось сокращение коррупции, уменьшение числа чиновников, введение в Уголовный кодекс или Кодекс об административных правонарушениях новой статьи за распространение конституционного нигилизма, создание специального отряда быстрого реагирования по борьбе с конституционным нигилизмом. Предлагалось даже вновь провести конституционную реформу и кардинально изменить Конституцию страны.

4. Выводы

Основываясь на полученных результатах, можно прийти к выводам, что респонденты видят сложившуюся ситуацию и признают наличие в Российской Федерации конституционного нигилизма, однако у них нет инструментов и конструктивных предложений для ее решения. Большинство опрошенных довольно позитивно относится к Конституции РФ 1993 г. и негативно – к принятым в 2020 г. поправкам в Конституцию РФ. В связи с этим государство, у которого есть все доступные инструменты и механизмы, должно усовершенствовать сложивши-

еся механизмы и практики для преодоления конституционного нигилизма. Автор считает проведенный опрос отражающим реальность, поскольку в опросе были задействованы респонденты из всех федеральных округов. Большая часть респондентов является уже сложившимися личностями, отвечающими за свои решения, и несмотря на то, что вопросы были сложными для неподготовленного человека, автор исследования специально не рассылал опрос для студентов юридических специальностей, чтобы собрать мнения людей, для которых юриспруденция не является основной сферой деятельности.

В качестве наиболее опасных форм выражения конституционного нигилизма в опросе были выбраны конституционная реформа, формирование антиконституционного правосознания, дискредитация власти и конституционный переворот. Менее опасными были признаны гражданская война и конституционные фикции.

Результаты проведенного социологического опроса будут включены в диссертационную работу автора. Кроме того, планируется проведение повторного более масштабного социологического исследования через год для корректировки результатов [14, с. 9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Павленко Е. М. Особенности конституционного правосознания современного российского общества / Е. М. Павленко // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». – 2009. – № 1 (3). – С. 15–27.
2. Frankowski S. Legal Reform in Post-Communist Europe: The View from Within / S. Frankowski, P. B. Stefan. – Hague : Martinus Nijhoff Publ., 1995. – 483 p.
3. Bulgaria In Transition: Politics, Economics, Society, And Culture After Communism / ed. by J. D. Bell. – New York : Routledge, 1998. – 360 p. – DOI: 10.4324/9780429044847.
4. Lesňák S. Modernism and nihilism of the Constitution for the Earth / S. Lesňák // Ethics & Bioethics (in Central Europe). – 2019. – Vol. 9, iss. 1–2. – P. 57–63. – DOI: 10.2478/ebce-2019-0005.
5. Рехачева Т. В. Этапы развития конституционного нигилизма в России / Т. В. Рехачева // Правоприменение. – 2020. – Т. 4, № 3. – С. 16–24. – DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(3).16-24.
6. Игнатенко В. В. Актуальное исследование конституционно-судебной защиты экономических прав граждан / В. В. Игнатенко // Академический юридический журнал. – 2007. – № 2 (28). – С. 55–56.
7. Игнатенко Е. Г. Актуальное конституционно-правовое исследование системы органов государственной власти субъектов Российской Федерации / Е. Г. Игнатенко // Академический юридический журнал. – 2007. – № 4 (30). – С. 51–53.
8. Филатов Е. Ю. Инстанции конституционно-правовой ответственности: некоторые теоретические аспекты исследования / Е. Ю. Филатов // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2009. – № 15 (153). – С. 25–28.
9. Жеребцова Е. Е. Институт конституционного контроля и конституционная ответственность главы государства: сравнительно-правовое исследование российского и зарубежного законодательства / Е. Е. Жеребцова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – № 11. – С. 124–128.

10. Гайдук В. В. Разделение государственной власти в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Гайдук. – М., 2002. – 181 с.
11. Барышников В. Н. Причины и условия развития федерализма в странах мира (конституционно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук / В. Н. Барышников. – Тюмень, 2002. – 269 с.
12. Губина О. В. Вынужденная миграция в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук / О. В. Губина. – М., 2004. – 194 с.
13. Бондаренко А. Г. Социологическое исследование: методика опроса : учеб. пособие / А. Г. Бондаренко. – Волгоград, 2006. – 64 с.
14. Иванова Т. Н. Методические основы составления социологической анкеты : учеб. пособие по дисциплине «Основы социологии» / Т. Н. Иванова. – Тольятти : Изд-во ТГУ, 2011. – 44 с.
15. Яковлева Н. Ф. Социологическое исследование : учеб. пособие / Н. Ф. Яковлева. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта, 2014. – 250 с.
16. Темницкий А. Л. Учебное исследование по эмпирической социологии / А. Л. Темницкий. – М. : МГИМО, 2003. – 269 с.
17. Калашаова Д. А. Методы социологического исследования : учеб. пособие для студентов и аспирантов / Д. А. Калашаова. – Майкоп, 2016. – 162 с.
18. Кинсбургский А. В. Как провести учебное социологическое исследование : пособие для студентов социол. фак. ун-тов / А. В. Кинсбургский ; под ред. проф. В. А. Ядова. – М., 2009. – 77 с. – URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1276>.
19. Рахманова Ю. В. Методы социологического исследования : учеб. пособие / Ю. В. Рахманова. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. – 124 с.
20. Изучение пользователей библиотек: социологический подход : метод. пособие для библиотекарей / авт.-сост. : А. Ю. Губанова, Е.А. Колосова ; ред. М. В. Карданова. – М., 2013. – Ч. 1 : Составление анкеты. Проведение интервью. – 48 с.
21. Косыхин В. Г. Нигилизм и диалектика / В. Г. Косыхин. – Саратов : Научная книга, 2009. – 256 с.
22. Кирчанов М. В. Воображая и (де)конструируя Восток. Идентичность, лояльность и протест в политических модернизациях и трансформациях / М. В. Кирчанов. – Воронеж : Научная книга, 2008. – 295 с.
23. Горшков М. К. Прикладная социология: методология и методы : интерактив. учеб. пособие / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги. – М. : Ин-т социологии РАН, 2011. – 1 CD-ROM.
24. Саликов М. С. Изменение конституции: формы, соотношение и пределы / М. С. Саликов // Вестник Саратовской юридической академии. – 2018. – № 5 (124). – С. 23–25.
25. Баринев Э. Э. Конституционное правосознание в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Э. Э. Баринев. – Ростов н/Д., 2001. – 23 с.
26. Медушевский А. Технологии конституционный переворотов / А. Медушевский // Сравнительное конституционное обозрение. – 2006. – № 3 (56). – С. 3–23.
27. Воробьева М. Н. К вопросу о понятии конституционно-правовых фикций в федеративном устройстве Российской Федерации / М. Н. Воробьева // Евразийская адвокатура. – 2020. – № 5 (48). – С. 107–109.
28. Таева Н. Е. Нормы конституционного права в системе правового регулирования Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н. Е. Таева. – М., 2018. – 52 с.
29. Каташинских В. С. Методы сбора социальной информации : учеб. пособие / В. С. Каташинских. – Екатеринбург : Изд-во Ур. ун-та, 2017. – 124 с.
30. Малошонок Н. Г. Эффект визуализации и формата оценочных шкал в онлайн-опросах студентов / Н. Г. Малошонок, Е. А. Терентьев // Universitas. Журнал о жизни университетов. – 2013. – Т. 1, № 2. – С. 20–44.

REFERENCES

1. Pavlenko E.M. Features of constitutional legal consciousness of modern Russian society. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki» = The Academic Journal of Moscow City University, series “Legal Sciences”*, 2009, no. 1, pp. 15–27. (In Russ.).
2. Frankowski S., Stefan P.B. *Legal Reform in Post-Communist Europe: The View from Within*. Hague, Martinus Nijhoff Publ., 1995. 483 p.

3. Bell J.D. (ed.). *Bulgaria In Transition: Politics, Economics, Society, And Culture After Communism*. New York, Routledge Publ., 1998. 360 p. DOI: 10.4324/9780429044847.
4. Lesňák, S. Modernism and nihilism of the Constitution for the Earth. *Ethics & Bioethics (in Central Europe)*, 2019, vol. 9, iss. 1–2, pp. 57–63. DOI: 10.2478/ebce-2019-0005.
5. Rekhacheva T.V. The stages of constitutional nihilism development in Russia. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2020, vol. 4, no. 3, pp. 16–24. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(3).16-24. (In Russ.).
6. Ignatenko V.V. Actual study of the constitutional and judicial protection of the economic rights of citizens. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal from Irkutsk*, 2007, no. 2, pp. 55–56. (In Russ.).
7. Ignatenko E.G. Actual constitutional and legal study of the system of public authorities of the constituent entities of the Russian Federation. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal from Irkutsk*, 2007, no. 4, pp. 51–53. (In Russ.).
8. Filatov E.Yu. Instances of constitutional and legal responsibility: some theoretical aspects of research. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*, 2009, no. 15, pp. 25–28. (In Russ.).
9. Zherebtsova E.E. Institute of constitutional control and constitutional responsibility of the head of state: a comparative legal study of Russian and foreign legislation. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2009, no. 11, pp. 124–128. (In Russ.).
10. Gaiduk V.V. *The division of state power in the Russian Federation (constitutional and legal research)*, Cand. Diss. Moscow, 2002. 181 p. (In Russ.).
11. Baryshnikov V.N. *Reasons and conditions for the development of federalism in the countries of the world (constitutional and legal research)*, Cand. Diss. Tyumen, 2002. 269 p. (In Russ.).
12. Gubina O.V. *Forced migration in the Russian Federation (constitutional and legal research)*, Cand. Diss. Moscow, 2004. 194 p. (In Russ.).
13. Bondarenko A.G. *Sociological research: survey technique*, teaching aids. Volgograd, Volgograd State Technical University Publ., 2006. 64 p. (In Russ.).
14. Ivanova T.N. *Methodological foundations for compiling a sociological questionnaire*, teaching aids on the discipline "Foundations of Sociology". Togliatti, Togliatti State University Publ., 2011. 44 p. (In Russ.).
15. Yakovleva N.F. *Sociological research*, teaching aids, 2nd ed. Moscow, Flinta Publ., 2014. 250 p. (In Russ.).
16. Temnitsky A.L. *A case study in empirical sociology*. Moscow, MGIMO University Publ., 2003. 269 p. (In Russ.).
17. Kalashaova D.A. *Sociological research methods*, teaching aids for students and graduate students. Maykop, 2016. 162 p. (In Russ.).
18. Kinsbururskii A.V. *How to conduct an educational sociological research*, a guide for students of sociological faculties of universities. Moscow, 2009. 77 p. Available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1276>. (In Russ.).
19. Rakhmanova Yu.V. *Methods of sociological research*, teaching aids. St. Petersburg, Herzen Russian State Pedagogical University Publ., 2021. 124 p. (In Russ.).
20. Gubanova A.Yu., Kolosova E.A. *Exploring Library Users: A Sociological Approach*, a methodological guide for librarians. Moscow, Russian State Children's Library Publ., 2013. Pt. 1: Drawing up a questionnaire. Interviewing. 48 p. (In Russ.).
21. Kosykhin V.G. *Nihilism and Dialectics*. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2009. 256 p. (In Russ.).
22. Kirchanov M.V. *Imagining and (de)constructing the East. Identity, Loyalty and Protest in Political Modernizations and Transformations*. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2008. 295 p. (In Russ.).
23. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. *Applied Sociology: Methodology and Methods*, An Interactive Study Guide. Moscow, Institute of Sociology RAS, 2011. 1 CD-ROM. (In Russ.).
24. Salikov M.S. Amending the Constitution: Forms, Correlation and Limits. *Vestnik Saratovskoi yuridicheskoi akademii*, 2018, no. 5, pp. 23–25. (In Russ.).
25. Barinov E.E. *Constitutional sense of justice in the Russian Federation*, Cand. Diss. Thesis. Rostov-on-Don, 2001. 23 p. (In Russ.).
26. Medushevsky A. Technologies of constitutional coups. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2006, no. 3, pp. 3–23. (In Russ.).

27. Vorobyova M.N. On the concept of constitutional and legal fiction in the federal structure of the Russian Federation. *Evrasiiskaya advokatura = Eurasian advocacy*, 2020, no. 5 (48), pp. 107–109 (In Russ.).

28. Taeva N.E. *Norms of constitutional law in the system of legal regulation of the Russian Federation*, Doct. Diss. Thesis. Moscow, 2018. 52 p. (In Russ.).

29. Katashinskikh V.S. *Methods of collecting social information*, teaching aids. Yekaterinburg, Ural University Publ., 2017. 124 p. (In Russ.).

30. Maloshonok N.G., Terentyev E.A. The effect of visualization and the format of rating scales in online surveys of students. *Universitas. Zhurnal o zhizni universitetov*, 2013, vol. 1, no. 2, pp. 20–44. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рехачева Татьяна Викторовна – аспирант кафедры конституционного и муниципального права

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: tatiana.rekhacheva@gmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Tatiana V. Rekhacheva – PhD Student, Department of State and Municipal Law

Dostoevsky Omsk State University

55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: tatiana.rekhacheva@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Рехачева Т.В. Отношение населения России к проблемам конституционного нигилизма / Т.В. Рехачева // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 2. – С. 159–168. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(2).159-168.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Rekhacheva T.V. Russians' attitude to the constitutional nihilism. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 159–168. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(2).159-168. (In Russ.).